

М. Н. ШЕВЕЛЁВА

Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ГЛАГОЛЫ *ИМЪТИ* – *ЮТИ* – *ИМАТИ* В РАННИХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ В СРАВНЕНИИ СО СТАРОСЛАВЯНСКИМИ

1. В древнерусских не книжных текстах глагол *имѣти* встречается очень редко. В берестяных грамотах примеры единичны – на данный момент известно всего пять случаев на весь корпус грамот, причем большинство из них в грамотах с чертами литературности. Два примера читаются в берестяной грамоте № 752 первой половины XII в. – любовном письме образованной молодой женщины, содержащем целый ряд этикетных формул:

(1) *цѣть до мнѣ зѣла имееши* ‘Что за зло ты против меня имеешь...’ (№ 752, XII в.);

(2) *а азъ та есмѣла* (вместо *есмь имѣла*) *акы братъ собѣ* ‘А я к тебе относилась как к брату’ (№ 752, XII в.) (Зализняк 2004: 249–254);

пример в монашеском письме, изобилующем церковнославянизмами, – грамоте № 503 первой половины XII в., причем *имѣти* здесь выступает в специфически книжной нетематической форме:

(3) *...л[ъ] века ж в[а]сѣ а нынѣ не [и](м)[амь вѣ]лости лише вѣсь* (вместо *васѣ* – описка предвосхищения) <...> ‘[Я провел (?) пол]жизни у вас и ныне не имею [никакого] достояния, кроме вас <...>’ (№ 503, XII в.) (Зализняк 2004: 295);

по одному примеру обнаруживается во фрагментарно сохранившихся грамотах № 886 и № 1014, последний из которых не вполне надежен, однако именно он представляет употребление *имѣти* в бытовом тексте, не содержащем черт книжности (речь в грамоте идет о каких-то купеческих операциях), *имѣти* получает в этом контексте значение ‘(следует) иметь’ = ‘получить’:

(4) *али ма имѣ[т]*... (№ 886, первая треть XII в.) (Зализняк 2004: 275);

(5) ...[и]мѣти отъ зоу осмию на де(слате)... – вероятно, недописанное *отъ зоуба* или *отъ Зоуа* (собств.), «выражение *имѣти отъ зоуба* можно было бы понимать приблизительно как ‘получить на долю’» (№ 1014, середина XII в. [НБГ XII: 114]).

В деловых грамотах, сохранившихся преимущественно уже от позднерусской эпохи, *имѣти* употребляется исключительно в составе устойчивых формул указания на близкие (значимые) родственные и социальные отношения в контекстах типа *имѣти въ отьца мѣсто /отьцем (братом, сыном) себѣ*:

(6) *Имѣти ти мене собѣ братом старѣшим, а кн(а)за Володимера, брата моего, братом* (Докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. тверским Михаилом Александровичем, 1375 г.) (ДДГ № 9: 26);

(7) *Имѣти ми брата своего старѣшего, князя великого Дмитрия, въ о(т)ца мѣсто* (Докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем, около 1367 г.) (ДДГ № 5: 19) и др.¹ – подобное употребление, определяемое словарями как значение ‘считать, признавать кого-л. кем-л., в качестве кого-л.’ (СДРЯ XI–XIV IV: 152; СлРЯ XI–XVII 6: 229; Срезн I: 1096), хорошо известно и в других источниках, в том числе в древнерусских летописях, ср. выше аналогичное употребление в обороте *имѣти акы братъ собѣ* в берестяной грамоте № 752 (пример (2), примеры той же устойчивой формулы из летописей и других источников см. (Зализняк 2004: 252)), см. подробнее об этом ниже.

В пергаменных грамотах Великого Новгорода и Пскова XIII–XV вв. глагол *имѣти* не зафиксирован совсем.

Для живого древнерусского языка глагол *имѣти* явно не был основным средством выражения семантики обладания – собственно в значении ‘обладать, havege’ в не книжных текстах он практически отсутствует. Основной possessивной предикативной конструкцией в

¹ Подробно материал духовных и договорных грамот Северо-Восточной Руси и пергаменных грамот Великого Новгорода и Пскова описан в работе (Калинина 2023).

древнерусских не книжных текстах была конструкция с глаголом *быти* и Р. п. имени с предлогом *оу* в значении посессора – типа *оу мене есть* (в презенсе бытийный глагол обычно опущен). В берестяных грамотах таких примеров множество, именно так в большинстве случаев оформляются долговые списки и реестры разного рода выплат, ср. из ранних грамот:

(8) *оу Рѣтъкъѣ : гриѣ : оу Хвалѣса : гриѣ : оу Тѣшадѣ / .ѣ.* (№ 905, посл. четв. XI в. (Зализняк 2004: 248));

(9) *оу Мѣла грѣвена : оу Михалѣ грѣвен(а) : оу Ильикѣ д(в)овѣ грѣвенѣ оу Коснилѣ / довѣ : оу К[л]опоушѣ довѣ грѣвенѣ : оу [Ар]инѣ грѣвена : оу Поутилѣ грѣвена/ (оу)----- (гр)ивена : ~ оу Снови-ѣ грѣвена : ~оу Неговѣта поло (грѣвенѣ) (Ст. Р. 19, 1 пол. XII в. (Зализняк 2004: 336)) и др.;*

более поздние примеры:

(10) *У Радошка пѣть деже рожѣ <...> у Пантелеѣ пѣть деже рожѣ. овса полотретеѣ дежи жѣта .в. дежи і зобница. семени зобница. пшеници зобница у Офоноса рожѣ дежа овса лонеского три дежи у Жихна поло шесты дежи рожѣ... (№ 1109, перв. четв. XIV в.) (Гиппиус 2019: 57–58) и др.;*

ср. вне долгового списка в конструкции с глаголом *быти* и Р. п. партитивным:

(11) *ино у тебе солоду было* (№ 363, втор. пол. XIV в.) (Зализняк 2004: 159).

Быти–конструкция, видимо, была основным средством выражения значения обладания в вост.-слав. диалектах с древнейших времен. Посессивная конструкция с глаголом *имѣти* была в древнерусскую эпоху – и оставалась таковой на протяжении всей истории русского языка, остается и поныне – прежде всего принадлежностью книжной традиции (см. подробнее об этом (Шевелева 2019)). Однако обратим внимание на то, что сам глагол *имѣти* древнерусским диалектам, несомненно, был известен: на это указывают имеющиеся, хоть и редкие случаи его употребления в не книжных текстах (причем пример (5), а может быть и (4) – в бытовых грамотах без черт литературности), а также праславянское происхождение этого глагола, известного во всех славянских языках, при этом для большинства славянских языков

иметь–конструкция обладания является основной (см. об этом, например (Молошная 1987)).

А. В. Исаченко в известной статье о противопоставлении *have*-языков и *be*-языков считает русский единственным из славянских языков, сохранившим древнюю принадлежность к *be*-типу, каковым был праславянский и исконно и.-е. праязык (Isačenko 1974); по мнению Исаченко, все примеры глагола *имѣти* из древнерусских источников представляют собой несомненное следование книжной церковнославянской традиции, восходящей к старославянским переводам, в которых *имѣти* всегда («without exception») только калькирует греческий оригинал (Там же: 50). Появление *имѣти* в старорусских текстах XVI–XVII вв. Исаченко связывает с полонизацией литературного узуса, а вхождение в литературную норму нового времени – с влиянием западноевропейских языков (немецким и французским) (Там же: 50–51)².

Материалы имеющихся теперь в нашем распоряжении некнижных древнерусских источников, прежде всего берестяных грамот, в значительной степени подтверждают вывод А. В. Исаченко об отсутствии *иметь*–конструкции обладания в живом древнерусском употреблении – это был, несомненно, *be*-language, каковым остается русский язык и поныне. Однако, как мы видели, вывод о том, что древнерусский язык вообще не знал глагола *имѣти*, оказывается слишком категоричным – ситуация, по всей видимости, была более сложной.

Славянский глагол *имѣти*, как и однокоренные с ним глаголы *ѣти* – *имати*, имеет праславянское происхождение; исконно это глагол состояния с характерным для этого класса глаголов показателем Ъ < *ĕ и нулевой ступень вокализма корня (*jъmĕti) (Мейе 1951: 167, 188; ЭССЯ 8: 226; Фасмер II: 128–129). Собственно посессивное значение ‘habere’, очевидно, для него вторично и развивается относительно поздно – как показал Э. Бенвенист, наличие специальной лексемы с семантикой «иметь» вообще встречается в языках мира редко, и даже

² Распространение посессивной *иметь*–конструкции в других славянских языках, как и в большинстве других индоевропейских, А. В. Исаченко относит уже к историческому периоду («in historical time»), первым из и.-е. языков, развившим эту конструкцию, он считает греческий (Там же: 45); отмечается, впрочем, что история проникновения *имѣти* ‘have’ «into Slave languages has to be written yet» (Там же: 50).

для индоевропейских языков это относительно «позднее приобретение», развивающееся на базе описательных оборотов с абстрактными существительными, передающих состояние субъекта: «испытывать голод, холод, желание...» (Бенвенист 1952/ 2002: 211, 214). Обратим внимание на то, что лексемы со значением «иметь» и.-е. языков к и.-е. древности не восходят – это разные глаголы, возникающие уже в отдельных группах и.-е. языков (ср. об этом также (Isačenko 1974: 44–45)). То же относится и к славянскому *имѣти*, восходящему к праславянской эпохе. По мнению Э. Бенвениста, типологически более древними являются *быти*–конструкции обладания, т. е. выражение посессивности с помощью бытийного глагола и именной формы типа русского «у + Р. п.» в роли посессора: «развитие идет от типа «*mihi est*» к «*habeo*», а не наоборот», и даже там, где есть «*habeo*», оно могло возникнуть вторично (Бенвенист 1952/2002: 212) (та же идея лежит и в основе концепции А. В. Исаченко, см. выше). Как мы видели, именно такие конструкции доминируют в некнижных древнерусских текстах, однако для заключения о полном отсутствии глагола *имѣти* в живом древнерусском языке эти материалы не дают достаточных оснований.

Для выяснения статуса праславянского глагола *имѣти* и специфики его семантики в древнерусском языке важные данные представляют древнерусские летописи – пространные оригинальные тексты, сочетающие книжную церковнославянскую традицию с элементами живого языка (о специфике формирования языка летописания как «гибридного регистра» книжного языка см. (Живов 2004: 64–69; 2017: 231–268)). Сопоставление данных летописей с показаниями некнижных текстов, с одной стороны, и с данными старославянских памятников, с другой стороны, выявляет некоторые показательные закономерности, проясняющими проблему истории глагола *имѣти* и его статуса в древнерусскую эпоху.

В древнерусских летописях глагол *имѣти* вполне употребителен, при этом известна и посессивная конструкция живого языка с глаголом *быти* и *оу* + Р. п. посессора, в ПВЛ не уступающая по частотности *имѣти* в значении ‘habere’, а в менее книжной КЛ XII в. вдвое его частотность превосходящая. Ср. примеры *быти*–конструкции из ранних летописей:

(12) *А се оу тебе есть* (‘имеется, находится’) *Итларевичь. любо вбиш любо и даи нама* (ПВЛ, 1095 г., Лавр., л. 76 = Ипат., л. 84);

- (13) *Се дружина оу тебе отъна и вои. поиди сади Кыевъ на столъ штни* (ПВЛ, 1015 г., Лавр., л. 45об = Ипат., л. 49об);
- (14) *Нынъ оу васъ нѣ меду ни скоры* (ПВЛ, 946 г., Лавр., л. 16об.; Ипат.: *нынъ оу ва нѣту* меду ни скоры, л. 23об.);
- (15) *И не бѣ лзѣ Володимеру помочи. не бѣ бо вои оу него* (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44) ‘не было у него воинов’;
- (16) *кнѣже сила его велика а оу тебе мало дружины* (КЛ, 1150 г., л. 145об.);
- (17) *и тако идхоуть тихо собираюче дружиноу свою. блхоуть бо оу нихъ кони тоучни велми* (КЛ, 1185 г., л. 223) и др.

Важно обратить внимание на соотношение значений самого глагола *имѣти* в древнерусских летописях – собственно значения обладания ‘haveo’ и употребления в перифрастических оборотах с абстрактными именами, обозначающих соответствующее состояние / свойство / качество субъекта типа *гнѣвъ имѣти, любовь имѣти, въздѣржаніе имѣти* и под.³ В ранних летописях употребление *имѣти* в перифрастических оборотах с абстрактными существительными определенно преобладает над собственно посессивным значением: в ПВЛ таких перифрастических употреблений больше, чем примеров посессивного значения ‘владеть, обладать чем-л.’, более чем в 2 раза (33 : 14), в менее книжной КЛ соотношение еще более значительно (43 : 10), см. подробнее об этом (Шевелева 2019: 34–38).

Ср. некоторые примеры значения ‘havege’ из ранних летописей:

- (18) *Что можете створити на^т. имѣемъ бо кормлю ѿ земли* (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44об. = Ипат., л. 48) ‘мы имеем пищу из земли’ – рассказ о белгородском киселе;
- (19) *...дотиснувьса палцемъ в чашю бѣ бо имѣя под ногтемъ раствореньє смѣтное и вдасть князю* (ПВЛ, 1065 г., Лавр.,

³ Утверждение А. В. Исаченко, что в древнерусских летописях *имѣти* встречается исключительно в сочетаниях с абстрактными существительными (Isachenko 1974: 50), как мы видим, не вполне точно. Обратим внимание, что такое употребление, определяемое как «phraseological units in combination with an abstract noun» (*имѣти миръ, любовь, рать, правду, сердце, леть*) (Там же), по умолчанию трактуется как специфически книжное, по всей видимости калькированное, что вполне традиционно в оценке подобных перифраз. Как будет показано ниже, ситуация здесь далеко не так однозначна.

л. 56 = Ипат., л. 62) ‘у него был под ногтем яд’ – рассказ об отравлении князя Ростислава;

(20) *И рѣша ѣму мужи смыслени. не кушаиса противу имъ. ꙗко мало имашаи вои. ѡн же рече имѣю отрокъ свой. ѡ. иже могутъ // противу имъ стати* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 72об.–73 = Ипат., л. 80об.) ‘мало имеешь воинов’ = ‘у тебя мало воинов’ – ‘имею 700 своих отроков’ = ‘у меня есть 700 отроков (своей дружины)’;

(21) *Дюрди же не имѣаше ниѡкуль помочи. а дружина его блшетъ вно избита вно изоимана* (КЛ, 1151 г., л.160а);

(22) *И воеводу имѣхуть тотъ напередѣ ѡзвѣнь бы* (КЛ, 1185 г., л. 224б) и др.

Ср. примеры употребления *имѣти* в перифразах с абстрактными именами, в летописях более частотные, чем примеры собственно possessивного значения:

(23) *...на Дѣда пришелъ есмь. а с вама хочю имѣти миръ и любовь* (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 90об. = Ипат., л. 92об.);

(24) *Аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти и погубити гра. то вѣси ꙗко нама жаль втнѣ стола* (ПВЛ, 1069 г., Лавр., л. 58об.);

(25) *И рѣша има мужи смыслени. почто вы распра имате* (РА – *имата*) *межи собою* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 73; Ипат. – *распрю имата межи собою*, л. 80об.);

(26) *И начаста гнѣвъ имѣти на Сѡлга ꙗко не шедшю ѣму с нима на поганьѡ* (ПВЛ, 1095 г., Лавр., л. 76) – ср. в Ипат. летописи синонимичный перифразе с *имѣти* глагол состояния: *И начаста гнѣватисѣ на Сѡлга ꙗко не шедшю ему на поганьѡ с нима* (1095 г., Ипат., л. 84);

(27) *Ны же цѣлоуте на томъ хрѣтъ вже вы про Игорѣ врожды не имѣти* (КЛ, 1148 г., 133г);

(28) *Андрѣи же имѣше надежю велику на ба съ всеми людми своими и на вѣца своего мѣтву надѣгаешеться* (КЛ, 1123 г., 107б) – в одном контексте с соответствующим глаголом состояния;

(29) *И рѣша емоу моужи его безлѣпа в немъ печаль имѣеши* (КЛ, 1147 г., 130а);

(30) *И рекоша Игоревѣ думци его мысль високоу и не оугодноу гѣви имѣеши в собѣ* (КЛ, 1185 г., 226г) и др.

Обратим внимание на то, что среди немногих представленных в берестяных грамотах случаев употребления глагола *имѣти* (см. выше) обнаруживается пример именно такого типа – в перифрастическом сочетании с существительным *зѣло*, обозначающем соответствующее состояние субъекта, – см. выше пример (1) из грамоты № 752.

Надо заметить, что и значение указания на значимые социальные / родственные отношения в устойчивых оборотах типа *имѣти акы братъ / братомъ (отѣцемъ) / въ отѣца мѣсто* и под., известных в не книжных текстах (см. выше), в летописях тоже нередко встречаются, причем в КЛ они почти вдвое частотнее употреблений *имѣти* в значении ‘habere’, ср.:

(31) *И тако цѣловаста хрѣтъ оу стѣю мѣнку на гробѣ на томъ Изаславу имѣти вѣцемъ Вячеслава. а Вячеславу имѣти сѣмъ Изаслава* (КЛ, 1150 г., 145б);

(32) *имѣти та хочю во вѣца мѣсто* (ПВЛ, 980 г., Лавр., л. 24);

(33) *И на томъ целова хрѣтъ Володимиричъ къ Стославу яко имѣти ему его въ вѣца мѣсто* (КЛ, 1160 г., 182б);

(34) *Мы та до сихъ мѣстъ акы вѣца имѣли по любви* (КЛ, 1174 г., 203б);

(35) *хрѣтъ цѣловаши на томъ. яко имѣти ма кнземъ собѣ* (КЛ, 1160 г., 1182г) и др.

Как мы видели, подобные формулы встречаются и в берестяных, и в деловых грамотах – ср. выше пример (2) из берестяной грамоты № 752 XII в.; возможно, аналогичная формула представлена в сохранившемся фрагменте грамоты № 886 (пример 4), см. также более поздние примеры из пергаменных грамот (6), (7) и под.

Летописная традиция в отношении употреблений *имѣти* в сочетаниях с именами – как в перифрастических оборотах с абстрактными существительными, обозначающих состояние/свойство субъекта, часто синонимичных соответствующему глаголу состояния (см. выше примеры (26), (28), см. подробнее о такого рода синонимии (Шевелёва 2019: 35–36)), так и в устойчивых формулах с терминами родства или социальной иерархии – находит соответствие в не книжных древнерусских текстах. Возможно, в не книжных текстах, в том числе в формуляр делового языка, подобные типы употребления и проникают из летописной традиции – оригинальных текстов гибридного регистра книжного языка, однако это не вполне очевидно. Важно

понять, каковы корни этих употреблений *имѣти* в восточнославянских текстах, в том числе в летописных: связаны ли они с собственно книжной церковнославянской традицией, восходящей к старославянскому языку как полагал А. В. Исаченко, или ситуация была иной, и древнерусские тексты отражают некоторую характерную для восточнославянской диалектной зоны специфику употребления, а может быть и семантики глагола *имѣти*. Сам глагол, как мы уже говорили, несомненно праславянского происхождения.

Итак, в оригинальных древнерусских текстах всех типов (как гибридных летописных, так и некнижных) *имѣти* решительно преобладает в перифрастических сочетаниях с именами над собственно посессивным значением ‘владеть, обладать’, которое в ранних некнижных текстах практически не представлено; распространенным также является использование в составе формул с терминами родства и социальной иерархии.

Обратимся к старославянским данным.

2. В старославянских памятниках соотношение основных посессивных конструкций и типов употребления глагола *имѣти* прямо противоположно представленному в древнерусских источниках.

Во-первых, *быти*–конструкция обладания в старославянских памятниках чрезвычайно редка, но все же единичными примерами представлена, что свидетельствует о ее древности – праславянском происхождении (на то же указывает и наличие этой конструкции в большинстве славянских языков, хотя в южнославянских языках, особенно в сербохорватском и еще в большей степени в словенском, она крайне периферийна, см. (Молошная 1987)).

Словари старославянского языка указывают значение обладания как одно из значений предлога *оу* с Р. п. (см. (СС 1994: 719; SJS IV: 570)).

Ср. редкие старославянские примеры, причем в евангельском тексте с колебаниями по спискам:

(36) въ томь домоу прѣвѣываите ѣджште і пыжште. ѣже сжтъ оу ннхъ (Л 10:7) Мар, Зогр;
 оу тебе естѣ дрѣжава Евх 64а 7; воды же оу нею бѣхъ ма не бѣаше Супр 547, 29 (СС 1994: 719);
 ср. указание посессивного значения предлога *оу* с Р. п. в (SJS IV: 750): «*оу кого (бѣгги) mít; иметь, (есть) у кого-н. <...>*»:

(37) **кѢДЕ ОУ НАСЪ ВЪ ПОУСТѢ МѢСТѢ ХЛѢБЪ ТОЛИКО. ПАКО НАСЪГНИТИ НАРОДЪ КОЛИКЪ** (Мт 15:33) Сав (отъ кждоу възъѡмемъ Зоґр, Мар);

АШТЕ БЖДЕТЪ ОУ ЕТЕРА ЧЛКА .р. ОВЕЦЪ (Мт 18:12) Ас (етероу Мар, Зоґр, единомоу Сав);

ИМѢНИѢ НѢСТЬ 8 НАЮ Ном, van Wijk 109, 31 и некоторые др. (SJS IV: 570).

Эта посессивная конструкция старославянскому языку известна, но она здесь явно занимает периферийное положение.

Основной посессивной конструкцией в старославянском является конструкция с глаголом **имѣти**, при этом – обратим внимание – в собственно посессивном значении она встречается здесь значительно чаще, чем в перифрастических оборотах с абстрактными существительными. Соотношение этих типов употребления **имѣти** в старославянских текстах оказывается противоположным тому, что мы видели в древнерусских летописях. Так, в старославянском тексте Евангелия преобладание значения ‘habere’ (в широком смысле, имея в виду все виды принадлежности – как отчуждаемой, так и неотчуждаемой⁴) сравнительно с описательными оборотами с абстрактными именами значительно: от почти в 2 раза в Евангелии от Иоанна до почти в 10 раз в Евангелии от Матфея. Обратим внимание, что даже Евангелие от Иоанна, отличающееся от синоптических евангелий

⁴ Словари старославянского языка, особенно SJS, дают детальную классификацию частных значений в рамках значения ‘иметь, haben’: здесь различаются посессивное значение отчуждаемой принадлежности *possidere* и значение неотчуждаемой принадлежности (типа **кѣто имать оуши**), значение ‘содержать в себе’, особо выделяется неотчуждаемая принадлежность родственных/социальных отношений (типа **не имы чадъ, Авраамъ два сна имѣ** и под.) (SJS I: 767), однако все они представляют значение собственно обладания, поэтому в противопоставлении употреблению в перифразах с абстрактными именами могут быть рассмотрены вместе. Замечу, что названные словари и употребление в сочетаниях с абстрактными существительными трактуют как частный случай того же значения ‘иметь, haben’ (SJS I: 767–768; СС 1994: 260), – в данном случае мы традиции словарного представления этого значения не следуем: как было показано выше, семантика **имѣти** в составе подобных перифраз с именами принципиально отлична от собственно значения ‘habere’, см. об этом также ниже.

насыщенностью абстрактными философскими рассуждениями, дает существенное преобладание собственно посессивного значения **имѣти** над употреблением в составе перифраз с абстрактными существительными.

Приведем данные по Мариинскому евангелию.

Значение ‘habere’: Перифразы с абстрактными существительными

Матфей	47 ‘habere’ :	5 перифразы с абстрактн. сущ.
Марк	49 ‘habere’ :	8 перифразы с абстрактн. сущ.
Лука	56 ‘habere’ :	16 перифразы с абстрактн. сущ.
Иоанн	50 ‘habere’ :	26 перифразы с абстрактн. сущ.

Ср. данные ранних древнерусских летописей:

ПВЛ	14	:	33
КЛ	10	:	43

Некоторые примеры значения ‘habere’ (по Мариинскому евангелию):

- (38) лиси ѿзвинѣ имѣтъ і птица нѣскънѣ гнѣзда (Мт 8:20);
 (39) і гла имѣ ис. колико хлѣбѣ имате (Мт 15:34; Мк 6:38);
 (40) имѣахъ и рѣвиць мало (Мк 8:7);
 (41) не имѣтъ во часѣ ѿсти (Мк 6:36);
 (42) кѣ члвкъ отъ васѣ имѣ съто овецъ и погоубѣл единъ отъ нихъ... (Л 15:4);
 (43) члвкъ единъ имѣ дѣва сна (Л 15:11);
 (44) имѣли невѣстѣ женихъ естѣ (И 3:29);
 (45) имѣщюмоу бо дастъ сѧ і извѣдетъ емоу а иже не иматѣ і еже иматѣ възьметъ сѧ отъ него (Мт 13:12);
 (46) имѣли оуши слышати да слышатѣ (Мт 13: 43; Л 8:8);
 (47) слѣньцоу же восиѣвъшю присвѣде і зане не имѣхъ корениѣ истъхъ (Мт 13: 6) и др.

Употребительны в старославянском и обороты **имѣти** + инфинитив – так называемое «сложное будущее I» (см. Вайан 1952: 377 и др.) с модальным значением неизбежности, семантика которых основана на значении обладания⁵, ср. примеры:

⁵ О развитии семантики этих конструкций на базе эволюции глагола обладания *имѣти* ‘habere’ в показатель внешней необходимости см. подробнее (Шевелева 2017: 205–210; 2019: 43–44).

(48) **ТАКО И СНѢ ЧЛВЧСКЫ ИМАТЪ СТРАДАТИ ОТЪ НИХЪ** (Мт 17: 12);

(49) **НЕ ИМАТЕ ВИДѢТИ МЕНЕ ДОНДЕЖЕ РЕЧЕТЕ БЛГНСЪ ГРАДЪ ВЪ ИМА ГНЕ** (Мт 23:38) и др.;

ср. яркий пример соположения полнозначного *имѣти* ‘habere’ и *имѣти* в составе инфинитивного оборота со значением неизбежности – в одном контексте и даже внутри самого оборота – наглядная демонстрация связи этих значений:

(50) **ВЪСѢ ЕДИКО ИМАШИ ПРОДАДЪ И РАЗДАИ НИЩИМЪ И ИМѢТИ ИМАШИ СЪКРОВИШТЕ НА НЕБЕСЕ** (Лк 18:24, так же Мт 19:21, Мк 10:21).

Аналогичные примеры представленности в одном контексте прямого значения обладания глагола *имѣти* и развившегося на его основе модального значения показателя внешней необходимости (неизбежности) в сочетаниях с инфинитивом известны и в книжных восточнославянских текстах (Шевелёва 2017: 206–210; 2019: 44). Однако важно обратить внимание на то, что в восточнославянских текстах инфинитивные конструкции так называемого «будущего I» с *имѣти* принадлежат исключительной книжной церковнославянской традиции (см. об этом подробнее в Шевелёва 2017 и др.). Употребление этих модальных конструкций в восточнославянских памятниках представляет собой несомненное следование старославянской традиции, и базируется модальная семантика глагола *имѣти* в составе этих конструкций на посессивном значении ‘habere’, широко представленном в старославянском языке.

Примеров описательных оборотов с именами в старославянских памятниках меньше (см. количественные данные выше). Обратим внимание на то, что состав этих описательных перифраз с именами лишь частично совпадает с тем, что мы видим в древнерусских летописях (см. старославянские данные в (SJS I: 767)), – по всей видимости, такие сочетания были возможны с достаточно широким кругом существительных, и восточнославянские источники в отношении этих перифраз вряд ли только следуют старославянским образцам, воспроизводя имеющиеся там «формулы»; различаются старославянские и восточнославянские памятники и по частотности совпадающих, т. е. представленных и в тех и в других источниках перифраз.

Ср. некоторые старославянские примеры перифрастических сочетаний с абстрактными существительными (по Мариинскому евангелию):

- (51) да имѣтъ радость мож испѣненѣ въ себѣ (И 17:13);
 (52) село коупицѣ и имамъ нѣждѣ изити и видѣти є (Л 14:18);
 (53) мон оученици есте. аще любовь имате между собою
 (И 13:35);
 (54) ...прѣжде во бѣаше враждѣ имѣшта между собою
 (Л 23:12);
 (55) жена егда раждаатъ печаль иматъ (И 16:21);
 (56) власть иматъ снѣ члвчскыи на земли отъпоушати
грѣхы (Мт 9:6);
 (57) ...і абы прозаве зане не имѣше главыны землѣ (Мт 13: 5).

Заметим, что значение типа ‘считать, почитать кого-л. в качестве кого-л.’ широко представленное в древнерусских источниках в формулах родственных и социальных отношений (см. выше), в старославянских памятниках зафиксировано единичными примерами – в евангельском тексте фактически только в сочетании имѣти ѣко пророка, ср.:

- (58) і хотѣ и оубити оубоѣ са народа зане ѣко прка имѣхѣ и
 (Мт 14: 5; так же Мт 21: 46; Мк 11: 32), вси во ѣко прка
имѣтъ Иоана (Мт 21:26)⁶.

Таким образом, употребление глагола имѣти в старославянских текстах имеет явные отличия от представленного в древнерусских летописях и по соотношению частотности основных значений, и по представленности конкретных описательных оборотов с именами.

Конечно же, надо иметь в виду переводной характер старославянских текстов и зависимость их от греческого оригинала. Как мы

⁶ Словари старославянского языка относят к этому значению еще некоторые примеры (SJS I: 768; СС 1994: 260), однако, как кажется, в большинстве своем они отличаются по семантике от данного типа: либо представляют скорее описательный оборот с абстрактным именем (имѣи мѣ отъречена Л 14: 18, так же Л 14: 19 Зогр, Мар, Ас – буквально ‘имей/считай меня прощенным’, т. е. ‘прости меня’), либо фактически представляют значение ‘владеть, обладать кем-л. в качестве кого-л.’ (седмь во нхѣ имѣша ѣж женѣ Мк 12:23 Мар, Зогр), отличное от значения формул социальных и родственных отношений ‘считать, почитать кем-л.’. Пример с известной нам по древнерусским памятникам формулой въ брата мѣсто мѣ имѣи VencNik 16, 37 зафиксирован в более позднем источнике (SJS I: 768).

уже говорили, по мнению А. В. Исаченко, в старославянском **имѣти** только калькирует греческий текст, не отражая реального славянского употребления, поскольку в ту эпоху славянские диалекты еще не знали *have*-глагола (Isačenko 1974: 50). Однако вопрос о том, только ли результатом калькирования греческого оригинала является употребление **имѣти** в старославянском и в какой мере это употребление соотносилось с использованием данного глагола в живых южнославянских диалектах, легших в основу старославянского языка, вряд ли можно считать решенным.

В большинстве случаев **имѣти** в старославянском переводе евангелия действительно следует греческому оригиналу, но в отношении описательных перифраз с именами все-таки не всегда, перифрастический оборот может появляться и при его отсутствии в греческом тексте (см. данные в SJS I: 767–768)⁷ – особенно это относится к сочетаниям с существительным **вѣра**, заслуживающим специального рассмотрения (см. об этом ниже, раздел 3). Сложная ситуация и с оборотами **имамь** + инфинитив (сложного будущего I), не имеющими однозначного соответствия в греческом оригинале (на что не раз обращалось внимание исследователей), при этом модальное значение **имѣти** в этом обороте, как мы уже говорили, развивается на базе собственно посессивного значения глагола обладания. Все это, как и отличия в употреблении *имѣти* восточнославянских текстов от старославянских, побуждает усомниться в независимости старославянского языка в отношении употребления *имѣти* от ситуации в реальной южнославянской диалектной системе эпохи первых переводов.

В связи с этим показательными оказываются данные старейших оригинальных книжных южнославянских текстов, фактически примыкающих по времени создания и диалектной основе к основному корпусу старославянских переводов, – речь идет о житиях солунских братьев: Житии Константина Философа (ЖК) и Житии Мефодия Моравского (ЖМ)⁸. Тексты житий Константина и Мефодия

⁷ Ср. также критику заявления А. В. Исаченко по поводу исключительно калькированного характера **имѣти** в старославянском в (Dingley 1995: 80).

⁸ Я признательна А. Л. Лифшицу за высказанное при обсуждении доклада по этой работе предложение исследовать материалы оригинальных моравско-

исследованы по старейшим и наиболее сохранным спискам: Житие Константина – по изданию списка XV в. РГБ, ф. 173 (МДА), № 19 (Лавров 1930: 1–39), Житие Мефодия – по изданию списка Успенского сборника конца XII – начала XIII в. (УспСб 1971: 188–198) (напомним, что оба списка восточнославянские, однако хорошо сохраняют первоначальный вид житий (см. Лавров 1930: I–XLV (Введение); Флоря 1981 и др.).

Данные оригинальных житий Константина и Мефодия в отношении соотношения основных значений глагола *имѣти* оказываются соответствующими показаниям старославянского перевода евангелия и отличными от показаний ранних древнерусских летописей – собственно посессивное значение в обоих житиях \approx в 3 раза преобладает над употреблением в составе перифраз с абстрактными именами. Ср.:

Значение ‘*habere*’: Перифразы с абстрактными существительными

ЖК	17 (+5 в цит.)	:	6
ЖМ	3	:	1

Ср. некоторые примеры значения ‘*habere*, обладать’:

(59) *Имѣю дѣщерь доуховную, юже есмь крѣстилъ красноу и богатоу* (ЖК, 5);

(60) *Дгѣдъ имѣхъ веліи и славенъ сгъло* (ЖК, 13);

(61) *Даждь ми елико имашии плѣнныхъ грекъ zde* (ЖК, 24);

(62) *Оучителя не имамъ таковаго, иже бы ны въ свои ѣзыкъ истую вѣроу христіанскую сказаль* (ЖК, 26);

(63) *Радь идоу тамо, аще имоуть боукви въ ѣзыкъ свои* (ЖК, 27);

(64) *...яко не достоить никотороу же ѣзыку имѣти боуковъ своихъ развѣ евреи и грѣкъ и латынѣ по пилатовоу писанию* (ЖМ, 105В);

(65) *...рекѣше Коцьлоу аще сего имашии оу себе. не избоудеши на добръ* (ЖМ, 107а);

(66) ср. в цитате из Апостола в ЖК: *коиждо васъ ѣалимъ имать, оученіе имать, явленіе имать, ѣзыкъ имать, сказаніе имать* (ЖК, 33).

паннонских житий для сопоставления с данными переводных старославянских текстов.

Собственно посессивное значение, как мы видим, представлено здесь достаточно широко, причем как в библейской цитате, так и в оригинальных контекстах.

Перифрастические обороты с абстрактными именами встречаются в паннонских житиях значительно реже, при этом из шести примеров в ЖК три представляют собой сочетания с существительным *честь* (*честь имѣти, въ честь имѣти* ‘почитать’), один из которых читается с этой перифразой не в основном списке, ср.:

(67) *Како вы золь обычаи имѣете* (др. сп. *имате*), *ставите царь инъ во иного мѣсто отъ иного рода?* (ЖК, 13);

(68) *ѿсельъ же паче начаша надъ нимъ **честь имѣти*** (ЖК, 13);

(69) *Аще кто тебе **честь творить**, твоего же ли словеси и доуха **не в честь творить*** (др. сп. *имѣеть, имать*), *други же пакы въсе трое **въ честь имѣеть*** (др. сп. *имать*), *которыи ѿ обою есть **честивѣе?*** (ЖК, 14)

(70) *Рекоша же пакы: како вы **имоуще оупованіе** на чловѣка, и творитеса **благословени быти*** (ЖК, 19);

ср. единственный пример в ЖМ:

(71) *цѣрь са на нь **гнѣваетъ**. да аще и **обращеть нѣсть** **ѣмоу живота имѣти*** (ЖМ, 108а).

Обращает на себя внимание то, что в обоих житиях встретились и модальные конструкции *имамь* + инфинитив со значением неизбежного будущего, семантически связанные, как мы уже говорили, со значением ‘havege’, – по количеству употреблений они превосходят здесь перифразы с абстрактными именами, ср. данные по этим конструкциям «будущего сложного I» с *имѣти*:

ЖК – 9 случаев, ЖМ – 2 случая.

Ср. примеры:

(72) *въроую въ бога и сватѣмъ Климентѣмъ **надѣюса**, **ѣко **вѣрѣсти** **имамь**** [мощи его – из др. сп.] и **изнести** изъ моря* (ЖК, 12);

(73) *и рече **придеть** чѣ^ѣ **ѣгда** не **могоуть** **помощи** **ласкавѣници** **ти**. а **моѣ** **словеса** **поминати** **имата**. **нѣ** не **боудеть** **чѣто** **створити*** (ЖМ, 107г);

(74) *Единою же на сватыи день слоужь его тоужащюу яко ничтоже не имамъ на сицевъ день честень, онъ же рече емоу: препитавыи иногда Израильты въ поустыни ть(и) имать дати и намъ zde пищюу* (ЖК, 11) – в одном контексте с *имѣти* ‘habere’, ср. аналогичные примеры, подтверждающие связь этих значений, в тексте евангелия и в книжных восточнославянских текстах (см. выше пример (50) и далее).

Как мы видим, в житиях Константина и Мефодия, представляющих собой оригинальные южнославянские тексты, максимально близкие к собственно старославянским⁹, употребление глагола *имѣти* оказывается таким же, как в старославянских переводах основного корпуса, и отличным от употребления этого глагола в ранних древнерусских летописях. Это позволяет предполагать, что выявленные различия в употреблении *имѣти* между старославянскими и восточнославянскими текстами связаны не только с влиянием на старославянские переводы греческого оригинала (хотя такое влияние несомненно), но и с различиями в статусе этого глагола в южнославянской диалектной системе, отраженной в старославянском языке, и в системе ранних восточнославянских диалектов – этот фактор, по-видимому, способствовал органичному усвоению употребления греческого оригинала.

Главное различие между старославянскими и восточнославянскими источниками связано, как мы видели, с соотношением собственно посессивного значения и употребления *имѣти* в составе перифраз с именами. Различия в представленности *имѣти* в составе таких перифрастических оборотов между старославянскими и древнерусскими памятниками показывают, что древнерусское летописание не следует в данном отношении старославянской традиции, где обороты такого рода не столь частотны, как в русских летописях, и состав их имеет отличия от представленного в летописании; древнерусские летописцы не воспроизводят в отношении этих оборотов готовых

⁹ Как известно, по мнению большинства исследователей, создание моравско-паннонских житий относится ко времени вскоре после смерти солунских братьев и может быть связано с деятельностью их учеников: ЖК, как предполагают, могло быть написано в конце 70-х гг. IX в.; ЖМ, вероятно, создано кем-то из учеников Мефодия в конце 80-х гг. IX в. (см., например, Флоря 1981: 43–45, там же обзор литературы).

старославянских образцов – возникает собственная традиция, наиболее частотными становятся принадлежащие уже именно этой традиции конкретные описательные перифразы. При этом употребление *имѣти* в собственно посессивном значении ‘habere, обладать’ для восточнославянских памятников является специфически книжным и может быть связано, по всей видимости, с ориентацией на южнославянскую книжную традицию.

Все это позволяет предполагать, что употребление глагола *имѣти* в составе описательных перифрастических сочетаний с абстрактными именами имеет праславянские корни. Вспомним идею Э. Бенвениста о первичности такого употребления, обнаруживающего архаичную природу глаголов с семантикой обладания как исконно глаголов состояния, передающих названное именем состояние или свойство субъекта (см. выше), – данные древних славянских источников, прежде всего восточнославянских в сравнении со старославянскими, эту идею замечательно подтверждают. Употребление *имѣти* в описательных оборотах с абстрактными именами, по-видимому, восходит к праславянскому языку и отражает древнейшую семантику этого глагола как глагола состояния; изначально это значение, вероятно, могло реализоваться в сочетаниях с достаточно широким кругом существительных, оно не лексикализовано – отсюда и некоторые различия в конкретном составе таких оборотов между старославянскими и древнерусскими источниками. Собственно посессивное значение по отношению к этому первичному значению состояния субъекта по названному именем признаку вторично, семантическим «мостиком» перехода к нему явилось, видимо, значение ‘содержать в себе’, ‘обладать каким-то свойством’ типа **НЕ ИМѢШЕ ГЛѢВИНЫ ЗЕМЛѢ** (57) и – следующим шагом – значение неотчуждаемой принадлежности типа *имѣти оуши, корение* и под. (см. выше примеры (46), (47) и под.). По-видимому, в южнославянских диалектах эпохи первых переводов посессивное значение *имѣти*, т. е. *имѣти*-конструкция обладания уже получает распространение – ср. последующее ее утверждение в южнославянских языках¹⁰. В восточнославянской диалектной зоне древнерусской эпохи, судя по всему,

¹⁰ Как, заметим, и утверждение сложного будущего на базе инфинитивных модальных сочетаний с *имѣти*, семантически связанного с посессивным значением этого глагола (см. Шевелева 2019).

сохранялась более архаичная ситуация: глагол *имѣти* использовался преимущественно в перифрастических сочетаниях с именами, основной посессивной конструкцией остается конструкция с глаголом *быти* и Р. п. с предлогом *оу* для обозначения посессора. Посессивная конструкция с *имѣти* в ранних восточнославянских источниках является следованием книжной церковнославянской традиции, в основе своей южнославянской, однако для описательных перифраз с абстрактными именами ситуация была иной – такой тип употребления восходит, очевидно, к праславянской эпохе.

Древнерусский язык был, как и остается русский язык до сих пор, *быть*–языком, в то время как старославянский язык, несомненно, может быть отнесен к *иметь*–языкам, и это различие, вероятно, можно связывать с различиями в славянских диалектных системах уже эпохи ранних письменных памятников¹¹.

¹¹ Обзор полемики по поводу глагола *имѣти* в праславянском языке и в древнерусском представлен в работе Дж. Дингли 1995 г.: от концепции полного отсутствия *имѣти* в праславянском и в древних славянских языках А. В. Исаченко (1974) до прямо противоположной точки зрения о вторичной утрате *иметь*–конструкции восточными славянами под финно-угорским влиянием (В. Кипарский). Сам автор склонен признать наличие *имѣти* в живом древнерусском языке на основании использования его в ранних летописях, в том числе в оригинальных (нецерковнославянских, «nonbiblical») контекстах ПВЛ (Dingley 1995: 84–85). Однако, как мы видели, стоит дифференцированно рассматривать употребление *имѣти* собственно в посессивном значении и в описательных оборотах с абстрактными именами, а также учитывать гибридный характер языка летописи, допускающий совмещение книжных и некнижных элементов по всему тексту, в том числе и в менее книжных фрагментах. Наиболее реалистичной представляется трактовка, согласно которой в древнерусских диалектах и далее в русском языке эта инновация – посессивная *иметь*–конструкция – не развилась в силу их периферийного положения (Х. Бирнбаум, 1978), а, возможно, и поддержки со стороны финно-угорского субстрата. Однако принять эту версию можно только с существенной поправкой: инновационной была конструкция с *имѣти* ‘habere’, но не употребление *имѣти* как глагола состояния в перифрастических оборотах с именами, восходящее к праславянской эпохе.

3. Глаголы *ѣти* ‘взять, схватить’ и производный от него итератив *имати* – это глаголы действия, вполне употребительные в древнерусских текстах, в том числе в некнижных, известны они и в старославянском языке. Принципиальных различий между ранними древнерусскими и старославянскими данными в отношении использования этих глаголов не обнаруживается¹², поэтому далее материалы восточнославянских и старославянских источников рассматриваются параллельно.

Глагол *ѣти* употребителен и в прошедшем времени, и в образованиях от основы презенса. Причем в древнерусских источниках у него существенно преобладает не нейтральное значение ‘взять’, а развившееся на базе ‘схватить’ значение ‘взять в плен, арестовать’ – и в летописях, и в берестяных грамотах (см. подробнее в Шевелева 2021: 35–37), ср. примеры:

(75) *Не ходи княже хотать та ѣти* (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 87об. = Ипат., л. 88об.);

(76) *Хотѣли ма бо ѣти любо оубити* (КЛ, 1147 г., л. 128а);

(77) *Мы тебе не имемъ ни инога ти зла створи*^т (ПВЛ, 1100 г., Лавр., л. 92об.) и др. – в летописях примеры многочисленны;

(78) *а нынѣ ма въ томъ ала княгини* ‘а теперь меня за это схватила (арестовала) княгиня’ (бер. грам. № 109, конец XI–начало XII в.);

ср. нечастые примеры нейтрального значения ‘взять’:

(79) *А нынѣково али по коунъ нѣдлю* ‘А теперь взяли по куне на неделю’ (бер.грам. № 1002 XII в. [НГБ XII: 101]).

(80) *а .ѣ. рьзно нѣ имуо* ‘а трех резан не возьму (или: не возьмут)’ (бер. грам. № 994 XII в. [НБГ XII: 94]).

Вероятно, в древнерусском первичный корневой глагол *ѣти* обнаруживает тенденцию к семантической специализации на значении ‘схватить, взять в плен’, что создает благоприятные условия

¹² Замечу, что речь идет именно о раннедревнерусских источниках XI–XII вв. С XIII в. в восточнославянских памятниках фиксируются конструкции сложного будущего *иму* + инфинитив, формирующиеся на основе значения глагола *ѣти* ‘взять, схватить’ → ‘начать’ (см. подробнее в Шевелева 2019: 44–46 и др.), – это последующее развитие уже в старославянских источниках соответствия не имеет.

для последующего развития на базе ‘схватить’ значения показателя будущего времени (см. Шевелева 2021: 36–37).

В старославянском значение ‘взять в плен, арестовать’ этого глагола тоже известно, но не с таким доминированием, как в древнерусских источниках. Ср. старославянские примеры (по Мариинскому евангелию):

(81) съвѣтъ сътвориша на ѿса да льстиж имѣтъ и (Мт 26:4);

(82) іродъ посылавъ ѡтъ іоанна і съвяза и въ тѣмници (Мк 6:16);

(83) Они же емѣше и биша (Мк 12:3);

ср. нейтральное значение ‘взять’:

(84) і емъ за ржкж отроковицѣ гла еи (Мк 5:41);

(85) іс же емъ і за ржкж въздвиже (Мк 9:27);

(86) авие ісъ простеръ ржкж ѡтъ і (Мт 14:31).

Имати, емлю (вторичное *имаю*) ‘братъ’ в древнерусских текстах значительно частотнее, чем в старославянском, где он в свободном употреблении вообще встречается редко, – преимущественно в сочетании с существительным *вѣра* (см. об этом ниже).

Ср. немногочисленные старославянские примеры свободного употребления *имати*:

(87) і се дхъ емлеты-и і вънезаапж въпиктъ и пржжаатъ сѡ съ пѣнами (Л 9:39);

(88) посылѡ рабы свои къ дѣлательмъ иматъ вина своего (Мт 21:34, Сав – *принати плоды Мар, Ас*);

ср. в значении ‘ловить, захватывать’ в Супрасльской рукописи:

(89) повелѣ имати и ноудити ѡ жрѣти (Супр 255,4) (СС 1994: 259; SJS I: 765).

В древнерусских памятниках примеров *имати* много, причем как в значении ‘ловить, хватать, захватывать’, так и в нейтральном значении ‘братъ’, – возможно, этот глагол здесь действительно более употребителен в живом языке сравнительно с южнославянскими диалектами, вопрос еще нуждается в исследовании. Некоторые примеры из древнерусских летописей и грамот:

(90) *И ту начаша съчи ѡ. а инѣхъ руками имати. ѡша же тогда и Шварана и Милѣтича оба* (КЛ, 1162 г., л. 185б) – в одном контексте с *ѡти*;

(91) ...и в погребѣ^х вина и медовѣ и что тѣжкого товара всакого...Дѣдвѣича же повелѣста **имати** на возы собѣ и воемъ (КЛ, 1146 г., л. 122г);

(92) Володимеръ же поймавъ серебро и поиде тако же **емла** серебро по всимъ градо^м вли и до своеи земли (КЛ, 1150 г., л. 151в);

(93) а ты атче еси не възалъ коунъ техъ: а **не емли** ничѣтоже оу него ‘А ты, если [ещё] не взял тех денег, не бери у него ничего’ (бер. грам. № 109, конец XI – начало XII в. (Зализняк 2004: 257));

(94) а а на то[бѣ] **е]млю** [к]оун[гѣ] ‘а я [именно] с тебя взимаю деньги’ (бер. грам. № 1031 XII в. [НБГ XII: 129–132])

(95) **емли** за свои отрокъ колико ти годьно ‘бери через посредство своего отрока’ (бер. грам. № 819, XII в. (Зализняк 2004: 412));

(96) толико мнѣ **емати** скота ‘[лишь] столько я должен собирать денег’ (бер. грам. № 550, XII в. (Зализняк 2004: 401)) – с обобщением инфинитивной основы по основе презенса.

Обобщение презентной основы по типу *имај-* в ранний период встречается реже исконной основы *емл’-*, ср. примеры:

(97) а наши по ни^х познаша ввы стѣкуще ввы **имающе** и наша ихъ руками полѣторы тысячѣ (КЛ, 1172 г., 199б) – ср. там же: ꙗздаху по онои сторонѣ Днѣпра люди **емлюще** а другыя стѣкуще (КЛ, 1135 г., 110б); вни же **емлюче** серебро изоу[оу]шью и съ шии (КЛ, 1150 г., 151в).

Обратим внимание на то, что употребление в перифрастических сочетаниях с абстрактными именами для глаголов **ѣати** и **имати** нехарактерно – в отличие от **имѣти**. Однако исключение составляют сочетания с существительным **вѣра**, в которых и в старославянских, и в древнерусских источниках возможны все три однокоренных глагола: **вѣрж имѣти** / **ѣати** / **имати**. Обороты эти очень частотны: в старославянском они частотнее всех прочих перифраз с именами, а **имати** в старославянских памятниках вообще в большинстве случаев представлен именно в этом обороте, причем – принципиально важно отметить – славянский текст именно в этих сочетаниях в большинстве случаев не следует греческому (в случаях с **вѣрж ѣати** / **имати** – почти всегда, в греческом оригинале в соответствии с этими

перифразами представлен глагол $\pi\iota\sigma\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ ‘верить’); отметим при этом, что из всех трех однокоренных глаголов в составе описательных оборотов с существительным **вѣра** самым частотным в старославянском переводе евангелия оказывается **вѣрж ѣти**, в то время как **имѣти вѣрж**, чаще находящийся соответствие в греческом, уступает ему более чем в 3 раза (18: 5 по данным Мариинского евангелия, включая два неоднозначных случая с формой **имжтъ**). По-видимому, распространение перифразы с существительным **вѣра** на глаголы действия **ѣти** – **имати** произошло под влиянием глагола **имѣти**, с которым они в таком употреблении сближаются семантически (значения ‘верить’ – ‘поверить’ во многих контекстах, особенно в повелительном наклонении, равно допустимы), а в ряде форм и формально (ср. основу прич. прош. **ѣм-** глагола **ѣти** и презентную основу **ѣмл’**- глагола **имати**, омонимичные формы 3 л. мн. ч. **имжтъ** глаголов **имѣти** и **ѣти**). Взаимодействие это уже собственно славянской природы – отсутствие параллелизма в греческом оригинале, где перифрастический оборот с существительным характерен именно для глагола состояния $\epsilon\acute{\iota}\chi\omega$, это бесспорно подтверждает, как подтверждает и праславянское происхождение этих перифрастических сочетаний, известных и в старославянских, и в древнерусских источниках.

Ср. примеры из старославянских (по Мариинскому евангелию) и древнерусских памятников:

имѣти вѣрж

- (98) **имѣите вѣрж вѣрж** (Мк 11:22) – греч. $\epsilon\acute{\chi}\epsilon\tau\epsilon\ \pi\iota\sigma\tau\iota\nu$;
 (99) **и не имѣахж имъ вѣрты** (Л 24:11) – греч. $\eta\pi\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\nu$ («и не поверили»);
 (100) **аште висте имѣли вѣрж ѣко зрѣно горюшьно. гѣали висте оубо свкаминѣ сен...** (Л 17:6) – $\epsilon\acute{\iota}\chi\epsilon\tau\epsilon\ \pi\iota\sigma\tau\iota\nu$.
 (101) *Но Ярославъ Рюриковъ речи не имашеть вѣрты* (КЛ, 1196 г., 239в);
 (102) *Игорь же исперва не имашеть емоу вѣрты* (КЛ, 1185 г., 226в).

ѣти вѣрж

- (103) **по чѣто оубо не ѣсѣ емоу вѣрты** (Мт 21:26) – ср. греч. $\omicron\upsilon\chi\ \epsilon\pi\iota\sigma\tau\epsilon\acute{\upsilon}\sigma\alpha\tau\epsilon$;

(104) тѣгда аште кто вамъ речетъ се съде х̄с̄ ли съде. не имѣте вѣры (Мт 24:23) – греч. μὴ πιστεύητε, т. е. нет перифразы;

(105) і иже вѣрж иметъ и крѣститъ сѧ съпасенъ вждетъ а иже не иметъ вѣры осжженъ вждетъ (Мк 16:16) – в греч. причастия πιστεύσας / ἀπιστήσας;

(106) і вѣрж емъ члѣвкъ словеси еже рече емоу іс̄ идѣаше (И 4:50) – греч. ἐπίστευσεν ‘поверил’;

(107) ѿ приде въ съвѣдѣтел’ство да съвѣдѣтел’ствоуетъ о свѣтѣ да вси вѣрж имѣтъ имь (И 1:7) – неоднозначно (ѡти вѣрж / имѣти), греч. πιστεύσωσι.

(108) Не даи бѣ поганому **вѣры ѡти** николиже (КЛ, 1169 г., 191г);

(109) А ны^н чему ему **имеши вѣры**. а внѣ ти не оуправиль и первое и другое (КЛ, 1152 г., 162г);

(110) *Гдлговиче^н* **вѣры не ими** (КЛ, 1147 г., л. 126в);

ср. аналогичный пример в берестяной грамоте:

(111) *оже почъне пьнати – не їми вѣръ* ‘если начнет тянуть (давить) – не верь’ (бер. грам. № 820, 60-е–70-е гг. XII в.) (Гиппиус, Сичинава 2021: 220).

Заметим, что в оригинальном южнославянском ЖК оборот **вѣрж ѡти** (и вариант **ѡти сѧ по вѣрж**) довольно употребителен (5 случаев), ср. примеры: **вѣроу ми ими жено** (ЖК, 2); **имеши ли емоу вѣроу** (ЖК, 13), **семоу же вѣроу имемъ** (ЖК, 21), **да аще сѧ преприть Евреа и Срацины, то по вѣроу сѧ вѣроу имемъ** (ЖК, 11); соответствующих сочетаний с *имѣти* и *имати* в ЖК и ЖМ не зафиксировано.

имати вѣрж

(112) іже въ врѣмѧ вѣрж емлѣтъ. и въ врѣмѧ напасти остжпажтъ (Л 8:13) – греч. πιστεύουσι ‘веруют’;

(113) аште ли истинж глѣж. почѣто вы не емете вѣры мьнѣ (Ио 8: 46, так же И 8:45) – греч. οὐ πιστεύετε ‘не верите’;

(114) аште во висте вѣрж имали Мосеови вѣрж висте ѡли и мьнѣ (И 5:46) – в одном контексте с **вѣрж ѡти**;

ср. в одном контексте с колебаниями по спискам:

(115) **вѣрж имѣте мнѣ ꙗко азъ въ отци и отъць въ мнѣ. аште ли же ни за та дѣла вѣрж емл'ете ми** (И 14:11 – **имѣте** Сав., **емл'ѣте** Зогр.); аналогичные колебания **вѣрж иметъ** Мар / **емл'етъ** Зогр обнаруживаются в Мк 11:23 и в некоторых других чтениях.

Ср. древнерусский пример из КЛ:

(116) *вже крѣту чѣтньому емлета вѣры и гнѣва ему ѿдаваета. но азъ вама передъ симъ крѣтомъ молвлю чѣтнымъ...* (КЛ, 1152 г., 163б).

Старославянские данные, отсутствие соответствия для оборотов **ѣти вѣрж** – **имати вѣрж** в греческом тексте несомненно свидетельствуют о их славянской природе – семантическом и формальном взаимодействии трех однокоренных глаголов в сочетании с существительным *вѣра*, имевшем место, как можно предполагать, в дописьменную эпоху. Для древнерусских памятников эти сочетания, по всей видимости, представляют собой такое же праславянское наследие, как и перифрастические обороты с *имѣти* (см. выше, раздел 2), а не просто следование книжной традиции – обратим в связи с этим внимание на не слишком книжные контексты с рассматриваемыми перифразами (108–111), в том числе пример (111) из бытовой берестяной грамоты.

Стоит отметить и отличающий древнерусские примеры от старославянских объектный генетив без отрицания: *чему ему имеши вѣры* (пример 109), *вже крѣту чѣтньому емлета вѣры* (116), см. также пример (108) в сочетании с инфинитивом – в старославянском языке евангельского перевода Р. п. объекта появляется только при отрицании, в то время как без отрицания в рассматриваемых оборотах последовательно употребляется В. п. прямого объекта (см. примеры выше). Как известно, на славянской почве объектный генетив с древнейших времен был представлен очень широко (Крысько 2006: 222), а в некоторых восточнославянских диалектах, в частности в севернорусских говорах, хорошо сохраняется до сих пор (см., например, в Мальшева 2010). Таким образом, эта особенность древнерусских источников в оформлении перифрастических оборотов с существительным *вѣра* также свидетельствует в пользу не книжного происхождения этих перифраз – их исконной принадлежности реальному употреблению.

При этом вне рассматриваемых сочетаний *яти* – *имати* с трудом проникают в описательные обороты с абстрактными существительными (встречаются перифразы *яти / имати миръ* и некоторые другие единичные случаи, преимущественно более поздние (СДРЯ IV: 145)) – в нормальном случае это глаголы действия в противоположность стative *имѣти*, для которого употребление в составе перифраз с именами было исконным.

Глагол *имати* в древнерусском становится очень употребительным. Исконный итератив, он с раннего времени стал вести себя как неохарактеризованный по виду глагол: уже в раннедревнерусских памятниках *имати* может выступать в контекстах общефактического прошедшего результивного, ср. примеры:

(117) *и самъ искупа много **има** на нихъ* (КЛ, 1165 г., л. 187в);

(118) *Игорь же **има** с собою половцъ Коньчака и Коблака* (КЛ, 1180 г., л. 218б);

(119) *Сънже **има** и и окова и посла и в волость свою Володимѣрь. и пристави емоу сторожъ. и дружиноу его такоже изымаша* (КЛ, 1180 г., л. 216б) и под. – в последних двух примерах (118–119) аорист *има* даже лишен дистрибутивной семантики и сближается с конкретно-фактическим значением СВ ‘взял в плен’.

При этом тот же глагол встречается и в контекстах многократно повторяющегося «развертывающегося» действия типа примера (90), ср. также в имперфекте:

(120) *овы избивахоу. а ины руками **имахоу**. наша бо тысячкого Всеволодовича ины многы* (КЛ, 1172 г., л. 196б);

(121) *...быхуться създъчеса в насаде^x о бродъ **имахуть** они они^x а они онѣхъ* (КЛ, 1151 г., л. 153г).

Такая двойственность аспектуального поведения характерна для простых бесприставочных глаголов, неохарактеризованных по виду. На семантику *имати* как неохарактеризованного с точки зрения вида глагола указывает и возможность образования от него приставочных перфективов, т.е. способность перфективироваться, характерная для простых бесприставочных неохарактеризованных по виду основ, ср. приставочные производные *поимати*, *отимати*, *изимати* и под. уже в ранних текстах – ср. выше в примере (119), ср. также:

(122) *Почто идеши вѣдѣть. поималъ еси всю дань* (ПВЛ, 945 г., Лавр., л.14об.); *Изаславъ же послушавъ ихъ ѡу него имѣнье и врузье и конь* (СЛ, Лавр., 1149 г., л. 107) и др.

В дальнейшем употребление *имати* в контекстах прошедшего результативного завершённого действия становится преобладающим – в старорусскую эпоху именно такое употребление, аналогичное приведенным выше контекстам (117) – (119), доминирует (примеры в грамотах XV–XVI вв. многочисленны) и замещает выходящий из употребления глагол *ѣти*. С конца древнерусской эпохи взаимодействует *имати* и с глаголом *имѣти*, что особенно характерно для юго-западных и западных восточнославянских диалектов (ю.-з. *имаю*, впоследствии укр. *мати*, *маю*). Однако все это уже последующее развитие рассматриваемых глаголов в восточнославянской диалектной зоне.

В раннедревнерусскую эпоху *ѣти* и *имати* – это весьма употребительные глаголы действия, в то время как *имѣти* сохраняет преимущественно архаичное употребление в качестве глагола состояния в составе описательных оборотов с абстрактными именами.

ИСТОЧНИКИ

- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- ЖК – Житие Константина Философа // Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 1–39.
- ЖМ – Житие Мефодия Моравского по списку Успенского сборника конца XII – начала XIII вв. (см. Усп.Сб.)
- Ипат. – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998.
- КЛ – Киевская летопись / Изд. подг. И. С. Юрьева. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.
- Лавр. – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997.
- Мар – Маринское евангелие; изд.: Памятник глаголической письменности: Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883.

- НБГ XII – Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. Т. XII.
- ПВЛ – Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат.).
- СЛ – Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).
- УспСб – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М.: Наука, 1971.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1952/2002 – *Бенвенист Э.* Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // *Э. Бенвенист.* Общая лингвистика. Пер. с франц. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 203–224.
- Вайан 1952 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. Пер. с франц. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1952.
- Гиппиус 2019 – *Гиппиус А. А.* Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // *Вопросы языкознания.* 2019. № 4. С. 47–71.
- Гиппиус, Сичинава 2021 – *Гиппиус А. А., Сичинава Д. В.* Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных грамот [XIII]: предварительная публикация // *Русский язык в научном освещении.* 2021. № 2 (42). С. 178–259.
- Живов 2004 – *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Живов 2017 – *Живов В. М.* История языка русской письменности. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. Т. I–II.
- Зализняк 2004 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Калинина 2023 – *Калинина А. А.* Предикативные посессивные конструкции в языке древнерусских и старорусских деловых и летописных памятников XII–XVI веков. Магистерская диссертация. М.: МГУ, 2023.
- Крысько 2006 – *Крысько В. Б.* Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006.
- Лавров 1930 – *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
- Мальшева 2010 – *Мальшева А. В.* Из истории русского глагольного управления: объектный генетив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров). Автореферат дисс... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, 2010.

- Мейе 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. Пер. с франц. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.
- Молошная 1987 – *Молошная Т. Н.* Глагольные конструкции со значением обладания и посессивный перфект в славянских языках // Советское славяноведение. 1987. № 4. С. 91–104.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988 – Т. I –.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 – Вып. 1 –.
- Срезн – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: ОРЯС Имп. акад. наук, 1893–1903. Т. I–III.
- СС 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. I–IV.
- Флоря 1981 – Сказания о начале славянской письменности / Вступительная статья, перевод и комментарии Б. Н. Флори. М.: Наука, 1981.
- Шевелева 2017 – *Шевелёва М. Н.* К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
- Шевелева 2019 – *Шевелёва М. Н.* О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.
- Шевелева 2021 – *Шевелёва М. Н.* О глаголе *ѣти* и конструкциях *имѣ* + инфинитив по данным древнерусских памятников // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 31–51.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). М.: Наука, 1974 – . Вып. 1 – .
- Dingley 1995 – *Dingley J.* *Iměti* in the Laurentian Redaction of the Primary Chronicle // The Language and Verse of Russia. In Honor of Dean S. Worth. On his sixty-fifth birthday. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. P. 80–87.
- Isačenko 1974 – *Isačenko A.* On ‘Have’ and ‘Be’ languages // Slavic Forum / Flier M. (ed.). Essays in linguistics and literature. The Hague-Paris, 1974. P. 43–77.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Academia, 1956–1997. Т. I–IV.

Maria N. Sheveleva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

The Use of Verbs *iměti* – *jati* – *imati* in Early Old Russian Texts in Comparison with Old Church Slavonic

The paper examines the use of the cognate verbs *iměti* – *jati* – *imati* in early Old Russian in relation to Old Church Slavonic. Old Russian was a *be*-language, i. e. possession was expressed by *byti*-construction (*u mene est*) not by *iměti*-construction. The verb *iměti* in Old Russian texts is mainly used in periphrastic combinations with abstract nouns, and such use is a Common Slavic archaism, with does not follow the Old Church Slavonic tradition. Old Church Slavonic was a *have*-language, the use of *iměti* in possessive meaning ‘habere’ prevails over descriptive periphrases with nouns – this difference from Old Russian cannot be explained only by the influence of Greek. *Jęti* and *imati* (‘take, catch’) are extremely rare in periphrases with abstract nouns both in Old Russian and in Old Church Slavonic except for combinations with the noun *věra*, where they interact with *iměti* probably since the Common Slavic period.

Key-words: possession, *be*-languages vs. *have*-languages, Old Russian, Old Church Slavonic, descriptive periphrases with abstract nouns